

По своей экспрессивно-эмоциональной сущности некоторые книжные фразеологизмы и фразеологизированные выражения всех стилей характеризуются большей приподнятостью, торжественностью, патетикой. Однако, включенные в несвойственный для их значения контекст, они могут стать средством юмора или иронии. Ср.: – *Энергетика*, – *сказал строитель*, – *это основа основ, альфа и омега народной жизни* (К. Паустовский) – *Альфа и омега кухни – кухарка Пелагея возилась около печки* (А. Чехов).

Таким образом, проанализированный языковой материал подводит нас к выводу о том, что фразеомобразующий потенциал семантико-синтаксического поля «Нахождение во времени и вне времени» являет собой мощное образование как в ядерной, так и в периферийной области исследуемого пространства. Большинство анализируемых фразем в зависимости от потенциала темпорального значения распределяются по семантико-синтаксическому полю и обладают выразительностью, которая создается за счёт обобщённо-метафорического и оценочного характера присущих им значений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. – Л., 1976.
2. Бочкарёва Т.А. Прошлое как «настоящее и будущее» души (категория времени в рассказах Ю. Нагибина о детстве) // Предложение и слово: Доклады и сообщения международной научной конференции, посвящённой памяти профессора В. С. Юрченко. – Саратов, 1999. – С. 253-255.
3. Каменская И.В. Фразеомобразующий потенциал семантико-синтаксического поля «Размещение в пространстве» // Взаимодействие языковых уровней в сфере фразеологии: Тезисы докладов международной научно-практической конференции. – Волгоград, 1996. – С. 125-126.
4. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М., 1996.
5. Панова Л.Г. «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. – М., 2003. – 808 с.
6. Семчинская Н. С. Функционально-семантические особенности темпоральных наречий и их валентность в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: (10.02.01). – Киев, 1988. – 18 с.
7. Шаповалова Т.Е. Категория синтаксического времени в русском языке. Монография. – М., 2000. – 151 с.
8. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М., 2006.
9. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. – М., 2009.
10. Юрченко В.С. Языковое поле. – Саратов, 1996.

УДК 811.181.1“0:34+808.2-02

Ненашева Л.В.Поморский государственный университет
им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск)

ГРАФИЧЕСКИЕ И ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «ЖИТИЯ НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО» (НА ПРИМЕРЕ РУКОПИСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА)*

Аннотация. Статья посвящена исследованию структуры рукописи, орфографии, графики и фонетики Жития, написанного в последней трети XV века. В рукопись включены житие святого Николая, рассказ о перенесении мощей в город Бари, чудеса святого Николая при жизни и по преставлении. Графические и орфографические особенности говорят о том, что рукопись русского извода и написана в сложный период для русского письма.

Ключевые слова: житие, графические, орфографические, фонетические особенности.

* © Ненашева Л.В.

L. Nenasheva
«LIFE OF ST. NICHOLAS, THE ARCHBISHOP OF MYRA IN LYCIA» GRAPHICAL AND ORTHOGRAPHICAL PECULIARITIES (BASED ON THE MANUSCRIPT OF THE 2-ND HALF OF THE 15TH CENTURY)

Abstract. The article examines in detail the structure, spelling, script and vocabulary of the saint's life written in the last third of the fifteenth century. The manuscript contains the life of St. Nicholas, an account of the translation of his relics from Myra to Bari, the miracles he worked in his lifetime and after his repose. The graphic and spelling peculiarities testify to the Russian origin of the manuscript

written in the difficult period in the history of Russian writing.

Key words: saint's life, graphic, spelling, peculiarities, fifteenth century.

Николай Мирликийский, или Чудотворец, – великий святой. Его почитают православные, католики и даже мусульмане. После принятия христианства на Руси культ Николая Мирликийского получил широкое распространение. В основном он был известен на севере восточнославянской территории. И сейчас на севере России это один из самых почитаемых святых, особенно в тех местах, где жизнь людей связана с морем.

Житие Николая Мир Ликийских Чудотворца было одним из самых популярных произведений в Древней Руси, об этом свидетельствует большое количество списков, дошедших до нас и хранящихся в разных фондах страны. М.С. Крутова отмечает, что в конце XIX – начале XX века было установлено, что под одним названием «Житие святого Николая Мирликийского» скрываются жития нескольких одноименных святителей (двух или трех по разным точкам зрения), совершивших разные чудеса в разное время и бывших архиепископами г. Миры в Ликии, греческой колонии на юго-западе полуострова Малая Азия с главным городом Миры [4, с. 119-120].

Одна редакция «Жития Николая Мирликийского» была написана византийским автором Симеоном Метафрастом в X в. на основе древних латинских и греческих источников. На Руси перевод этой редакции был сделан в XV в. Именно эта редакция Жития святого Николая была признана церковью и включена митрополитом Макарием в Великие Минеи Четии. В этой редакции Жития рассказывается, что святой Николай был погребен в г. Миры в 1087 г., его мощи были перенесены в г. Бари в Италии в церковь св. Евстафия, а затем по повелению папы Урбана II в 1089 г. в католический собор, специально построенный во имя святого Николая, где и покоятся мощи до нынешнего времени.

Вторая редакция является переводом Жития Николая Пинарского, выполненным в XI в., его еще называют «иным житием». Третья редакция – это свод сведений, в число которых входят и чудеса святого [6, с. 171-172]. Вторая редакция Жития, по мнению Фалькония, была написана «сразу после кончины святого Николая его учеником Артемием, который был со святым в Сионской

обители. На русский язык, как считали некоторые ученые, оно было переведено в XI в. Ефремом Преславским. Впервые это житие опубликовал в Неаполе Николай Карминий Фальконий в латинском переводе древнегреческого пергаменного списка № 821 Ватиканской библиотеки, позднее он напечатал факсимиле этой рукописи. Мощи этого святого Николая были вначале погребены в Сионе, а потом перенесены в кафедральный собор святой Ирины в г. Миры, а затем в 1096 г. в Венецию» [4, с. 126].

В исследуемом списке объединяются главы и чудеса святого из житий первой и второй редакций. Данный рукописный памятник письменности находится в Отделе рукописей РГБ, собрание В.М. Ундольского (ф. 310, № 258). В описи рукопись стоит под названием «Житие Николая Мирликийского», она написана на 126 листах в 4° на бумаге. Список не датирован, по водяным знакам его можно отнести к последней трети XV века (б.з. типа Лихачев № 1007-1008 – 1453 г., № 1012-1015 – 1455 г.; Briquet № 12482 – 1474 г.). В список входит житие и чудеса святого Николая.

Рукопись начинается с сообщения о том, как в Ликийской пустыне лежали мощи святого Николая, как святой явился пресвитеру и просил его перенести мощи из Мир в город Бари. И, как только мощи были перенесены, стал святой творить чудеса, и жители этого города создали красивую церковь во имя святого и преподобного отца Николая, сделали ему раку и положили туда мощи (лл. 1 – 6об). Затем следует молитва святому Николаю. Далее включено чудо о трёх иконах. Эти главы входят в житие 1-ой редакции, в которой говорится о жизни святого Николая Мир Ликийских. С 15 листа вставлено житие Николая Мирликийского без начала. До 50-го листа представлено 23 чуда, которые совершал святой Николай. В этих главах сказано, как он исцелял больных. Эти чудеса уже взяты из 2-ой редакции – Жития Николая Пинарского. В 24-ом чуде говорится о том, как Николай был уже болен и не вставал с постели, в это время к нему пришла одна больная женщина, именем Евгения, и святой исцелил её. С листа 53об в список включены чудеса Николая Мирликийского после его преставления: чудо о Дмитриии, об Агрипе, или Агрике, и его сыне Василии, о некоем юноше, о Петре и др. Эти чудеса относятся к 1-ой редакции – Житие Николая Мирликийского. С 112-го листа дано «Похвальное слово святому Николе».

Этот список интересен ещё и тем, что написан в период, когда происходит объединение русских княжеств во главе с Московским княжеством после монголо-татарского ига. В это время возрастает авторитет княжеской власти, которая находит поддержку в среде высшего духовенства, поэтому широкое развитие получает церковно-панегирическая литература, в которой прославляется героическое прошлое и настоящее Руси, возвеличиваются князья, святые, священнослужители. Создаются жития русских святых.

В этот период в русской письменности складываются новые графико-орфографические черты, которые будут повторяться и в рукописях XVI века. Поэтому в изучаемом списке после букв гласных можно встретить и написание буквы *а*, как в рукописях XIV в., и новое написание – букву *а*, а также *л*, как и в рукописях XI в.: *даніа* (5об), *даніа* (29об), *избавла* (1об), *морьскаа вода* (55об) и *морьскаа* (12об). Перед гласными буквами, как йотированными, так и нейотированными, употребляются буквы *и* – *ї*: *хртїане* (83), *кз хртїаномз* (102об) и *хртїаны* (122), *прїаша* (2об) и *прїаша* (5), *диакз* (52об) и *дїакз* (52об); *непрїазнь* (27об), *прїиде* (12), *ї* *лукїиская* *вбласти* (40об), в конце слов: *принесенїе* *мощїи* (1), *аѳанасїю* (9), *без данїа* (29об), *безаконїа* (97об); буква *и*: *радостїю* (5об), *спїають* (83), *вспїаа* (112об) – в середине слов; *мїца* *маня* (1), *геврїгн* (43), *мчастїа* (70об), *излїа* (96об), *молїнн* (98) – в конце слов. Между согласными в середине строки буква *ї* встретила 1 раз: *прїхвѣтчи* (65), в конце строки *ї* употребляется, как и в рукописях прошлых веков: *толіко* *своє* (112об), *пїтомнїкы* (119об).

Написание диграфа *ѣ* и в начале слова, и после буквы согласного уже прочно входит в употребление в середине XV в., к концу XV в. стала часто писаться буква «ук» *ѣ*. В нашем списке написания с буквами *ѣ* – *ѣ* варьируются. Обе буквы пишутся после согласных, буква *ѣ* часто встречается в конце строки: *мѣжа* *хѣда* (10), *по* *сѣхѣ* (12об), *за* *рѣкѣ* (13). В начале слова употребляется буква *ѣ*: *ѣгоднаа* (1), *ѣтроѣ* (3об), *ѣжасїеша* (21), за исключением одного примера после приставки: *без ѣма* (102).

Буквы *ш* и *о* взаимозаменяемы в начале слова и в предлоге, как это было принято в древнерусской орфографии, буква *ш* употреблялась в предлогах *штз* и *ш*. После буквы согласного *ш* начинает писаться во второй половине XV в., хотя авторы «Древнерусской грамматики XII – XIII вв.» в смоленской грамоте 1229 г. отмечают слова, где *о* пи-

шется после букв согласных звуков [1, с. 58–59]. В исследуемом списке в начале слова и в предлоге пишется буква *ш*, реже *о*-широкое; после согласных в конце строки и под выносной буквой *м* часто употребляется *ш*: *о* *дш/бѣ* (23) и *ш* *нѣмь* (47), *ншкв/ла* (20), *вѣдш/ша* (68об), *о* *бразз* (10) и *вбразш*^м (10).

Из греческих особенностей в данной рукописи можно отметить написание в заимствованных словах букв *ψ*, *ξ*, *ν*, практически забытых и не используемых к XV в., хотя наряду с заимствованными греческими буквами писцы употребляют и русские эквиваленты: книжник не использует «кси», заменяя букву на русское сочетание *КѢ*: *алекѣи* (2); буква *ψ* «пси» заменяется на русское сочетание *ПѢ*: *пѣмь* (39), *пѣси* (62об) и *пси* (63). Буква *ν* «ижица» также встречается только в словах, заимствованных из греческого языка, иногда на её месте пишутся русские буквы *ѣ*, *ѣ*: *ї* *мѣрська града* (3об), *лѣкы* *ѣвалїста* (12), *ѣгпѣтанинз* (28), *кѣпарїса* (48об), *лїтѣргїю* (58), но *лїтѣргїи* (58,4), *лїтѣрѣгїю* (58об), *града* *вѣзанѣтїискаго* (111) и *кнѣ/зѣ* *ѣзанѣтїискии* (111об). Буква «зело» *з* пишется редко: *зѣло* (11об), на *носѣ* (26). Буквы *ф* и *ѣ* в этом списке пишутся в конкретных словах, чаще в именах собственных и не заменяют друг друга: *аѳанасїю* (9), *ѣевфанз* (10), *ѣевдорз* (12), но *стѣи* *софен* (14), *ѣевдора* (29), *просѣвѣрз* (39), *филїпз* (41об), *савѣафи* (42об), *вз* *фелїтїискїю* (47об), *тїмофѣи* (49об), *арѣфѣма* *попз* (52), *филїтѣска града* (52об).

Корень слова *ангел* пишется чаще по-русски, чем по-гречески: *аггѣз* *гнь* (19об) и *ангѣз* *гнь* (35об), *азз* *есмь* *ангѣз* (38об), *ко* *ангѣ* (38об), *стѣа* *аггѣ* (51об) и *стѣа* *ангѣ* (51об) – В.п. мн., *арѣангѣломз* (89об).

Из графико-орфографических особенностей можно выделить 2 яркие черты, по которым определяется извод памятника: написание букв согласных на месте праславянского сочетания *dj и рефлекс *tʔrt, *tʔlt. В нашем списке на месте общеславянского сочетания *dj, кроме 3-х примеров, *хѣжѣаго* (11об), *прїхожѣахѣ* (14об), *дажѣ* (26об), пишется русский вариант – буква *ж*: *прїхожѣахѣ* (14об), *хѣженїе* (1об), *гражанѣ* (4об), *надѣжѣ* (18), *повѣженз* (20об), *нѣжа* (21об), *повѣжѣ* (64), *вїжѣ* (102), *межю* (104об), *всѣженїа* (108об).

В бывших сочетаниях редуцированных с плавными типа *tʔrt, *tʔrt, *tʔlt отмечены написания, характерные для периода, когда редуцированные звуки в сильном положении совпали со звуками полного образования [o] и [e]. После буквы плавного переписчик ставит всегда паерок, который, скорее все-

го, не обозначает мягкость плавного, а выделяет на письме эту букву. Употребление **Ъ**, в одном примере **Ь**, после букв **Р** и **Л** редкость, всего 9 примеров, из них в 6 словах написание **Ъ**, **Ь** приходится на конец строки: дер'жимъ (24об), свер'хъ (54), ѿ сер'добольи (62), скор'ви (26об), гор'ло (98), вол'ны (27), вол'хвъ (69об), поверь/гъ (94об), долъ/зѣ (27), помолъ/ча (38), волъ/ны (54), веръ/хъв'наго (74об-75), исполъ/нився (81об), и/сполъни (42об), долъжни (94об), накоръмли (118об). В одном примере после буквы плавного пишется буква **Ѡ**: поло^{на} (111об). В сложных словах в бывших сочетаниях типа *tɛrt, *tɛlt на месте букв редуцированных представлены буквы **Ѡ**, **Ѣ**: дол'готер'пѣнїемъ (108).

В корнях слов с неполногласием типа *tɛrt, *tɛlt пишется только **Ѣ**, хотя в данном списке книжник употребляет и русские полногласные формы: млека въ средѣ (15), брегъ (111), дшю влека (94) и волочити (22), пленено (68об) и полониша (64об), быв'шелоу полонѣ (60), а также русские имена: всеволода (2), воло/димира (2-2об). В предлогах-приставках прѣ-/прѣд- отмечена также только буква **Ѣ**, за исключением одного примера: прѣ^а нимъ (1), прѣ^аставити (1), прѣслав'но (2), прѣнти (57об), но прѣидоша (57об).

Мена букв **ѣ**/**ѣ** отмечена в окончаниях существительных: гражданѣ (5об), по трѣхъ лѣтѣхъ (48), в' желѣзѣхъ (75); в корнях и в суффиксах: коверъ (79,4) и ковѣръ (79), волезнь (103об). В корне слова *ехать*, кроме двух примеров, пишется только буква **Ѣ**: ехати (12), еха (96, 103), доехати (84об), доехаша (98об), выехати (102), съехав'шимся (104), приеха (104) и ѣдѣцю (96об), приѣхаша (100). Мена **ѣ**/**и** представлена в суффиксе глагола видѣти и в приставке прѣ-: ви/дити (35об), видѣла (110об), прѣ/дѣла (44об). Мена **ь**/**ѣ** отмечена в корне *грек* (грѣк): грѣчьстѣмъ (2), ѿ земла грѣчьскы (75об) и въ грекы (95).

В исследуемом списке встречаются написания с буквой **Ѡ** в начале слова в соответствии со старославянским **Ѣ**: ѡдиною (15) и ѡдинъ (27об). Написания же с начальным **Ѡ** в соответствии с **ю** в южнославянских рукописях представлены часто: Ѡтрѣ (3об), заѠтра (5), въ Ѡтрѣ (14), на Ѡтрѣнїи (39), Ѡноша (27об), Ѡношо (27об).

В данной рукописи сочетания заднеязычных **Г**, **К**, **Х** с буквами, обозначающими на письме гласные звуки переднего ряда, часто пишутся в заимствованных словах и в именах собственных: **ГИ**, **ГѢ** – папежь/гер'манъ (6об), иконопис'цю аг'гею (7об), геур'гина

(43), сер'гїа (53), во фрѣггин (115); **КИ**, **КѢ**, **Кѣ** – ѿ предѣлъ ликинескѣ (20об), кесарїа (24об), кюрїакїи (34об), ѿ луїинскыа власти (40об), кирїакъ именемъ (46об), ѿ всїи кен'ди/меньскы (49об), китъ (110, 110об); **ХИ**, **ХѢ** – архїерѣи (1), архїиерѣи (101об), во ан'тиохїю (4), архїепкпѣ (16), архїман'дритъ (16), хелѣдарь (121), хел'дари (125об). Случаи написаний **ГИ**, **КИ**, **ХИ** в других словах, а также на месте результатов 2-ой палатализации единичны: глѣхимъ (1об), рѣ/ски^х князи (2), аки (13об, 54об, 89, 110) и акы (111), кыевѣ (94об) и киевѣ (96, 100об), кнѣзъ словесъ (100), восхїщенъ (104об), за грѣ/хи (105об), никки (107об).

Послебукв **Ж**, **Ш**, **Щ**, **Ц** могут употребляться буква **ю**, диграф **ѡ** или буква **ѣ**, употребление этих букв не является строго дифференцированным. После **Ч** пишется только буква **Ю**, что указывает на мягкость данного звука в говоре писца: стражюци^х (5) и к' мѡужѡ (8об), извольшо (3об) и явлешоуся (7об), нашѣ (8) и нашѡ (8об), сѣцю (5об), ѡтпающѣ (12об), тѣжаци (15об), растѣцю дѣтциѣ (16), иконописцю (11) и ико/нописцю (10), цюю нашѣ вѣѡ (8); буква **Ч**: чудеса (1об), чудо (2), чуденъ (10об).

Отражением яркой фонетической черты псковского говора XIII–XV вв., о которой упоминает Н.М. Каринский, и в Паремейнике 1271 года [2, с. 235], и в Палее 1477 года [3, с. 54], являлась мена **ц**/**ч**. Мена аффрикат наблюдается и в «Житии Николая Мирликийского», но встречается эта особенность редко: нарицаемѡ (28об) и нари/цаемѡю (28об), тол'чите (вм. толцитѣ) (72). В одном примере встретилось сочетание **жг** на месте **жд**: вѣз'дож'гїе (118). Такие фонетические особенности в данной рукописи единичны, они свидетельствуют, скорее всего, не о принадлежности этого списка к псковской школе письма, а о том, что это следы протографа.

В данном списке можно отметить такие грамматические формы, которые, редко встречаются в текстах церковного содержания, как местоимение **собѣ**: на собѣ искѣпъ (102об); флексия Род. пад. ед. числа имен существительных на *j: ѿ темницѣ (123об), ис темницѣ (125об), но формы Род. и Местн. пад. ис темници (126), ис темни/ци излѣзете (126об), на бѣлѣ конѣ (126), которые уже имеют окончания существительных твердого варианта; а также употребление русского варианта слова *Иоанн*: въ цркви стго ивана прѣтча (5), еванъ (44), съ крїтїелемъ/иваномъ (73).

Таким образом, можно сделать вывод, что графические и орфографические особенности исследуемого списка не отличаются от

норм письма XIV – начала XV века. В данном памятнике письменности появляются новые написания, характерные для письма раннего периода, и эти новые черты не свидетельствуют о «южнославянском влиянии», а указывают на то, что в русской письменности второй половины XV в. складывается новая графико-орфографическая система, или, как называет этот процесс Б.А. Ларин, реставрация «старославянского языка, но в известной мере и древнейшего русского литературного языка домонгольской поры» [5, с. 241-242].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Древнерусская грамматика XII-XIII вв. – М., 1995.
2. Каринский Н.М. Паремейник 1271 года как источник для истории Псковского письма. Лекция. – М., 1926.
3. Каринский Н.М. Язык Пскова и его области в XV в. – СПб, 1909.
4. Крутова М.С. Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности. – М., 1997.
5. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). – М., 1975.
6. Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – первая пол. XIV в. – Л., 1987.

УДК 808.5

Пригарина Н.К.

Волжский гуманитарный институт (филиал)
МОУ ВПО «Волгоградский государственный университет»

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ ТАКТИКИ КАК ЭЛЕМЕНТ РИТОРИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ*

Аннотация. В статье предлагается рассматривать формы организации языковых средств, используемые в аргументации судебной защитительной речи, как особые инструментальные риторические тактики, реализующие риторические (аргументативные) стратегии.

Ключевые слова: аргументация, убеждающая речь, судебная защитительная речь, риторические стратегии, риторические тактики, инструментальные тактики.

N. Prigarina

INSTRUMENTAL TACTICS AS ELEMENT OF RHETORICAL ARGUMENTATION

Abstract. In the article author suggest to examine forms of organizations of language means, used in the argumentation of judicial defensive speech, as special instrumental rhetorical tactics, realizing rhetorical strategies.

Key words: Argumentation, convincing speech, judicial defensive speech, rhetorical strategies, rhetorical tactics, instrumental tactics.

Изучение роли стратегий и тактик в построении и организации убеждающей речи весьма актуально в современной науке.

В наиболее часто цитируемой работе О.С. Иссерс коммуникативная стратегия определяется как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей», который «включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [Иссерс О.С., 2001, с. 54]. При этом *риторическими* стратегиями О.И. Иссерс называет только те, «в рамках которых используются различные приемы ораторского искусства и риторической техники эффективного воздействия на адресата» [там же].

На наш взгляд, *риторическая* (аргументативная) стратегия – это путь предъявления риторической аргументации, реализуемый через последовательно разворачивающиеся риторические действия для достижения конечного эффекта воздействия. Это выполнение сверхзадачи адресанта, направленной на достижение коммуникативной и воздействующей цели. Ср.: «Аргументативные стратегии — это методическое планирование действий, оказывающих влияние на исход определенной диалектической стадии или дискуссии в целом в чью-либо пользу, которое проявляется в систематическом, коорди-

* © Пригарина Н.К.